

от власти законодательной.

Они сходились на двух существенных пунктах по вопросу экономическому. В их идеале общества частная собственность стоит вне всяких споров и пресловутая «свобода соглашений» провозглашалась как основной принцип организации. Еще больше: лучшие из них в самом деле думали, что этот принцип действительно возродит общество и мнится источником богатства для всех.

Более применяясь к деталям, нежели оставаясь сильными в этих существенных пунктах, они могли в один или два года совершенно реорганизовать Францию согласно своему идеалу и дать ей свод гражданских законов (впоследствии узурпированный Наполеоном) — свод законов, который в течение девятнадцатого века копировался всей европейской буржуазией, когда она получила власть.

Они работали над этим в изумительном согласии. И если, вслед за тем, возникла страшная борьба в Конвенте, это произошло оттого, что народ, увидев себя обманутым в своих надеждах, пришел с новыми требованиями, которые не поняли его вожаки, или что некоторые из них тщетно старались примириться с буржуазной революцией.

Буржуа знали, чего они хотели: они давно думали об этом. В течение долгих лет они вынашивали идеал правления, и, когда народ поднялся, они заставили его работать над реализацией их идеала, сделав ему по известным пунктам несколько второстепенных уступок, как, например, уничтожение феодальных прав или равенство перед законом².

* * *

Не зарываясь в детали, буржуа задолго до революции установили общую линию будущего. Можем ли мы то же сказать о трудящихся?

К сожалению, нет. Во всем современном социализме, и главным образом в его умеренной части, мы видим явную тенденцию не углублять принципы общества, которое должно торжествовать через революцию. Это понятно. Для умеренных говорить революционно значит компрометировать себя, и они предвидят, что, нарисовав перед трудящимися простой план паллиативных реформ, они потеряют своих самых пламенных последователей. Они предпочитают также презрительно относиться к тем, кто говорит о будущем обществе или старается определить работу революции. «Потом будет видно, выберут лучших людей, и они сделают все к лучшему!» Вот их ответ.

Что же касается анархистов, то боязнь увидеть себя разделенными в вопросе о будущем обществе и парализованными в своем революционном порыве действует на них в том же смысле. Среди трудящихся обычно предпочитают отложить все споры, которые (совершенно несправедливо) называют теоретическими, и забывают, что, может быть, через несколько лет они должны будут сказать свое мнение по всем вопросам организации общества, от действия хлебных печей до действия школ и защиты территории, — и тогда они не будут иметь перед собою образцов английской революции, которой вдохновлялись жирондисты прошлого века.

* * *

В революционных кругах очень принято смотреть на революцию как на великий праздник, во время которого все устроится к лучшему, само собой. В действительности же в тот день, когда вся эта огромная машина, которая плохо ли, хорошо ли удовлетворяет насущные потребности большинства публики, перестанет действовать, тогда будет нужно, чтобы народ сам взялся за реорганизацию разбитой машины.

Ламартин и Ледрю-Роллен проводили по двадцать четыре часа над составлением декретов, скопированных со старых республиканских образцов, давно заученных наизусть. Но что говорили эти декреты? Они повторяли лишь торжественные фразы, которые в течение лет обсуждались в республиканских собраниях и клубах, и эти декреты не касались ничего, что составляет суть ежедневной жизни нации. Ибо временное правительство 1848 года не касалось ни собственности, ни вознаграждения, ни

² См. мою «Великую Французскую Революцию».